

Игорь Белов

Вспомнить вечность

Иногда нужно забыть себя,
чтобы понять, кто ты

Игорь Белов

Вспомнить вечность

«Издательские решения»

Белов И.

Вспомнить вечность / И. Белов — «Издательские решения»,

Ничто в этом мире не существует и не движется само по себе. Все сущее поддерживается силой Творца. Все пульсирует в пределах нуля и бесконечности. Человек есть одновременно и ноль, и бесконечность. И дух его пульсирует с невероятной скоростью между этими двумя пределами. С такой огромной скоростью, что она воспринимается не как движение, а как состояние покоя. Для того, чтобы «собой всех объять и всем собой отдаться»! Такова формула Любви!

Вспомнить вечность Иногда нужно забыть себя, чтобы понять, кто ты

Игорь Белов

*Всех муз языческих союз
С души не снимет смерти груз!
Дано оставить в сердце им
Лишь ностальгии горький дым!
Когда, в раздумьях о былом,
Ты затоскуешь перед сном
О чем-то, вряд ли достижимом,
Великом, смутном и родном!*

*Душа собою стеснена.
Жизнь – ненавистна. Смерть – страшна.
И сердце плачет о потере,
Чья суть до боли неясна!*

© Игорь Белов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Педаль детского велосипеда крутилась на уровне глаз, не переставая. Крутилась и крутилась. Я смотрел на нее, и у меня стало появляться ощущение нереальности происходящего. Казалось, педаль живет своей собственной жизнью, и в ее задачу входит заставить меня усомниться в моем существовании. Еще чуть-чуть и она стала бы подмигивать мне.

Я вовремя отвел взгляд. Велосипеды. Много велосипедов в ряд. И детские и взрослые. Почему я смотрю на них снизу? Ага. Я лежу. Лежу навзничь на полу среди десятков велосипедов, выстроенных в ряды. И несколько из них валяется вокруг меня. Словно мое тело ворвалось в их стройные шеренги, откуда ни возьмись, и разрушило гармонию.

Я решил привстать на локтях, борясь с искушением посмотреть на все еще вращающуюся педаль. Огромное помещение. Прилавки. Товары. Кассы. Похоже, какой-то супермаркет. Громадный супермаркет! Судя по всему, – многоэтажный. Это осознается по гулкому вокзальному эху от звука, исходящего из динамиков, и по эскалаторам, уходящим в верх и вниз.

Да, а что исходит из динамиков? Похоже, я понимаю слова. Понимаю язык. Но понимаю ли, какой это язык? Вроде, мой родной. Но какой-то незнакомый родной. Словно, из будущего. Откуда я это знаю? Не знаю. Но знаю точно!

Что на мне за одежда? Короткое светло-серое пальто. Белая рубашка. Черные брюки со стрелками. Черные тупоносые лакированные туфли. Все новое, чистое, добротное. На левой руке золотые часы с золотым браслетом.

Что ж, все это интересно, но хотелось бы знать, где я? Вернее, нет. Откуда я? Или, нет! Есть более важный вопрос. Кто я?!

Вообще-то, задавать себе такие глубокие философские вопросы, типа: «кто я?», лежа на локтях, на виду у всех, посреди поваленных велосипедов в супермаркете, немного нелепо. Или много? Можно так сказать: много нелепо? Тьфу! Что за глупости лезут в голову?!

Так, пора осторожно, незаметно встать. Ха-ха. Встать незаметно?! На виду у всех?! Еще одна нелепость. Ну ладно. Встаю. Ступаю. Только бы не зацепиться за эти велосипеды. Прошу

прощения, но поднимать я вас не буду. Лучше немного помучиться совестью, чем привлечь к себе внимание. Я что, попросил прощения у велосипедов? Хм. Это интересно.

Ну вот. Выбрался из велосипедной западни. Никто на меня не обращает внимания. Огромное здание живет своей жизнью, переваривая в своем желудке массы, толпы, вереницы. Никому ни до кого нет дела. Все это мне знакомо, но незнакомо себе я сам!!!

Ага! Зеркало! Так, и кто в нем? Это лицо мне ни о чем не говорит. Вернее, говорит ни о чем. Что же мне дальше делать? Зачем я здесь? У меня есть какое-то предназначение? Ого! Предназначение!!! Какие формулировки! Словно я персонаж фантастического фильма. Попал невесть куда, а во мне начинает действовать какая-то программа.

Ой, мамочки! А если это так и есть?! Откуда я знаю, что это не так? «У меня есть какое-то предназначение?» Откуда эта мысль?!

Стоп! Почему меня заботит, откуда эта мысль? Почему у меня не может быть такой мысли?

А что, может?

Мне кажется, что не может...

А почему кажется? Я ведь не знаю, кто я? Или все-таки, знаю? Местами?

Так-так-так! Тихо! Похоже, я схожу с ума. А может, я уже сошел, хи-хи!

Тихо! Молчать! Разговорчики! Выбираемся отсюда наружу. Может, на выходе из супермаркета что-то прояснится?

Эскалатор несет вниз. Иду через вестибюль. Входные вращающиеся двери. Ну вот. Я снаружи.

Улица уходила в даль. Хотелось сказать: уходила к горизонту, но – как-то не высказывалось. Потому что горизонта не было. Даль была, а горизонта не было. И даль эта была непрозрачна. В ней, как в музыке, чувствовались объем и глубина, но ничего нельзя было разглядеть. И была она ярко-синего цвета. Словно ясное небо без единого облачка встало на землю вертикально. Вблизи меня видимость была очень ясной, почти невыносимо четкой. Но уже на расстоянии десяти метров резкость терялась. Понятно было, что это даль, но что было внутри этой дали – непонятно. По консистенции она была похожа на желе. Но утверждать этого я не мог, поскольку не имел возможности прикоснуться к ней.

Вблизи же улица выглядела как бульжная мостовая с тротуарами справа и слева. Супермаркет и бульжная мостовая?! Я оглянулся. Супермаркет находился на своем месте, как надежное подтверждение моего непонятого появления в этом мире.

Ладно. Раз есть дорога, значит надо по ней идти, если уж мы тут гадаем о предназначении.

Я сделал несколько шагов. Непрозрачная даль отодвинулась немного, выпустив из себя небольшую кафешку на левом тротуаре улицы. Кафе выглядело весьма уютно и заманчиво. Запах только что сваренного кофе дернул меня за ноздри. Захотелось присесть за столик и пожить немного в этом запахе, дающем ощущение знакомства с самим собой.

Я позволил своему обонянию подвести меня к одному из столиков. За соседним столиком сидела некая дама в белой шляпе с большими полями. Она, похоже, кого-то ждала. Подходя к кафе, я видел, как она вертела головой и постукивала нетерпеливо пальцами по поверхности столика. Я отодвинул стул и уже почти сел на него, как вдруг поймал взгляд соседки. Взгляд был удивленный. Дама смотрела на меня в упор, а значит удивление адресовалось мне. Я буквально завис над стулом в неудобнейшей позе. Взгляд дамы не отпускал меня. В ее удивлении все больше читалось, что ждала она именно меня. И даже более. Она ждала меня, потому что давно меня знала! Такие громогласные взгляды бывают только у давно знакомых людей. Но беда в том, что я ее не знал! Что же делать?

Понимая, что по-другому нельзя, я кивнул даме, подвинул стул на прежнее место и подошел к столику незнакомки.

– Можно присесть?

Дама улыбнулась так, словно я неуклюже пошутил, но она меня прощает.

– Ты в своем репертуаре. Нелепые розыгрыши, не смешные шутки.

Я счел эту нелестную фразу за разрешение. И сел. Сделав попытку улыбнуться, я стал смотреть на незнакомку. Ей я точно был знаком. Но мне от этого легче не было. Очевидно, по неизвестному мне сценарию, я тоже должен был знать эту даму. И вести себя так, будто знаю ее. Учитывая полную пустоту в памяти, мне предстояло нелегкое дело. Хотя... Что-то в самой глубине души подсказывало мне, что меня нечто связывает с этой женщиной.

Скрывая за улыбкой свою неуверенность, я внимательно разглядывал незнакомое лицо, – все его черты подетально, – напряженно пытаюсь вызвать в памяти хоть одну ассоциацию. Мучительное вглядывание не помогло процессу распознавания. Черты лица присутствовали. Но целое из них не складывалось.

– Сильно изменилась со времени нашей разлуки?

Дама все-таки заметила, что я ее изучаю. Что же мне ей ответить? Получается, мы с ней расстались когда-то. А зачем встречаемся сейчас? И чего мне будет стоить, если я отвечу невпопад? Я ведь не знаю правил игры, в которую неизвестно как попал.

– Да, собственно, – протянул я, – не могу такого сказать.

Вроде, ответ приемлемый, судя по довольной гримаске незнакомки.

– Я хочу перед тобой извиниться, – вдруг выпалила моя мучительница.

За этой фразой последовала долгая многозначительная пауза. Дама страдальчески смотрела на меня в упор. Вместе взгляд и пауза, очевидно, давали мне понять, какой великий подвиг совершила только что эта женщина.

– Думаешь, стоит? – уклончиво спросил я.

– Несомненно.

Дама вздохнула полной грудью и подалась вперед, чуть не повалив чашку с кофе. Видимо, мне предстояло выслушать длинную речь.

– Я поняла, что все годы нашего брака ты пытался любить меня.

Оба-на! Так это моя бывшая жена!!! И что же мы тут обсуждаем?

– Ты пытался. По-настоящему. А я этого не понимала.

Она поправила роскошный локон роскошной прически. Черный едкий клуб солярки вырвался откуда-то справа. Странно. Боковым зрением я не заметил никакого движения по дороге. Однако, звук удаляющегося рева мощного грузовика мне был слышен явно. Клуб протасился между нами и вполз в дверь кафе. Дама слегка поморщилась и продолжила.

– Не понимала. Люди ведь все разные, знаешь ли. Я считала: раз ты меня любишь, ты должен, как все, зарабатывать много денег, покупать мне дорогие наряды, дарить мне шикарные машины, возить меня в роскошные круизы. Ну и прочая ерунда. Многие женщины именно этого ждут, а чем я лучше их?

Дама посмотрела на меня кротким взглядом, говорящим «видишь, как я беспощадна к себе?!» Я сделал умное лицо и слегка наклонил голову. Дескать, «конечно, вижу, дорогая». Я все еще не знал, чем мне грозит отрицательная реакция на происходящее.

– За три года нашей разлуки я многое поняла. Нельзя от романтика требовать материальных благ. Романтики любят фантики, кокетки любят конфетки, – хихикнула она, заговорила глядя на меня. Видимо я должен был знать этот стишок. А я его не знал. Но самое подлое было в том, что романтиком я себя совсем не ощущал. Ощущал я себя набитым дураком. И да, – у нас три года разлуки, оказывается! А сколько мне лет вообще?!

– Гм-гм, – многозначительно помычал я, сохраняя умное выражение лица.

– Мне стало ясно, чего ты хотел. Ты хотел носить меня на руках. Ты хотел дарить мне цветы и стихи. Ты хотел срывать для меня звезды с неба. Я все поняла и исправилась. И продолжаю исправляться.

Я продолжал смотреть на нее взором умника, тоскливо предчувствуя приближение какой-то жуткой опереточной развязки, типа «без меня меня женили». Все шло к тому! Кто писал этот гадский сценарий?!

– И буду продолжать исправляться, – томно и многообещающе протянула моя бывшая супруга, и положила свою руку на мою, глядя мне прямо в глаза. – Ты сможешь носить меня на руках так, как тебе этого захочется. Теперь я буду послушной. Я буду твоей музой!

Ни шиша она не исправилась! Она просто поняла, как лучше меня использовать, за какие ниточки дергать. А речь опять только о ней и о ней любимой, – если я правильно понял ее же собственные откровения.

Маникюр на ее ногтях был настоящим произведением искусства. Как можно на столь миниатюрной поверхности изобразить целых три картины?! И зачем??? Возле замшевого обшлага ее изящного темно-оранжевого пиджачка я только сейчас увидел кусок беляша, недо-еденного прошлым клиентом. По беляшу ползали мухи, иногда взлетая, жужжа, и опять садясь. Мне почудилось, что я чувствую запах заветренного подкисшего теста и слегка подгнившего фарша. Пальцы с фантастическими ногтями поглаживали мою руку с золотыми часами.

– Давай начнем все сначала, – сказала моя бывшая жена, желающая стать моей будущей музой.

Вот оно! Блин! Что мне делать? Я не хочу ничего начинать с этой дамой ни с начала, ни с конца! Могу я отказаться?! Эй, кто-нибудь! Кто меня сюда запихал?! Я могу отказаться?! Я не желаю уносить на руках в туманную даль, к невидимому горизонту, эту подсохшую блондинку.

– Слушай, ты так смотришь, будто в первый раз меня видишь!

Я и вправду по-прежнему не узнавал этой женщины. Но, не узнавая ее по-прежнему, я вдруг понял, что объединяло меня с ней в глубине души! Желание возвышенной, верной, чистой любви!!! Да! Оно снова ожило во мне. Я ощутил минутное блаженство, прикоснувшись к чему-то истинному в себе, к своей сути. К чему-то очень светлому, радостному, драгоценному, но... недостижимому.

– Ну что, дорогой, ты согласен?

Моя бывшая жена с не опознаваемым лицом и светлое чувство были как-то связаны во мне, но в то же время между ними была громадная пропасть. Ну да, пропасть! Светлое чувство, желание возвышенной и чистой любви всегда было моей и только моей частью! Оно никак не принадлежало этой женщине. Пропасть намного больше связывала нас, чем это чувство. И чем больше я пытался привязать светлое чувство к этой женщине, тем большая пропасть возникала. Пропасть под названием разочарование.

– Согласен, дорогой? – не отставали когтистые пальцы от моей руки.

Итак, светлое чувство, ожидание возвышенного принадлежит мне, а разочарование принадлежит ей. А пропасть, это то, что нас связывает. Постой! Я рассуждаю так, словно *понимаю* себя!!! Я что, вспомнил какую-то часть о себе? Но ведь, я и вспомнил-то всего про какое-то желание! Про мечту, можно сказать. Фантазию! Разве фантазия может быть истинной сутью человека? Разве суть не в том, как меня зовут? Сколько мне лет? Где я работаю? Где живу? Не это ли важнее?!

– Ну-у... милый... скажи же, наконец... ДА, – настаивала кандидатка в музы, в нетерпении пихая замшевым обшлагом кусок беляша. Мухи жужжали, протестуя.

Получается, нет никакой особой связи между нами. Встань я сейчас и уйди, дама в шляпе останется позади, а светлое чувство – со мной. В чем же суть встречи? В том, чтобы понять разницу между этой дамой и моим чувством? Эй, сценарист?! Что мне делать теперь? Могу я встать и уйти? Один. Без дамы.

– Что же ты молчишь? – начала злиться моя бывшая супруга. Ухоженные ногти впились в мое запястье с золотым браслетом.

Сейчас, дорогая. Сейчас я тебе все скажу. Я не буду груб. Незнакомым женщинам я не грублю. Но я буду решителен.

– Знаете что?

Ногти отдернулись, услышав обращение на «вы».

– Мне жаль, что так вышло. Но я не знал вас, как мне только что открылось, в прежней жизни, не знаю вас и сейчас. Между нами нет ничего общего. Кроме пропасти.

Судя по выражению глаз незнакомки, она понимала, о какой пропасти речь. Справа раздались быстрые шаги и стук. Это был сухой стук костяшек на бухгалтерских счетах. Краем глаза я заметил какую-то долговязую фигуру в черном фраке с длинными фалдами, пробежавшую мимо. Повернув голову, я лишь успел увидеть, как ярко-синяя даль всосала кончики фалд. По-моему, на голове у фигуры был еще и черный цилиндр.

– Музой моей вы не будете, поскольку музе свойственно летать. А вы способны лишь виснуть тяжестью на руках. Простите. Я ухожу.

Я встал, кивнул на прощание и пошел прочь. В сторону желеобразной дали, наискосок по мостовой, – к правому тротуару. Пропасть между нами стала натягиваться, словно резиновая, не желая меня отпускать. Поэтому мне пришлось уходить боком, влоборота, с усилием отклоняясь назад.

Незнакомка, с искаженным ненавистью лицом и колким цепким взглядом, оставалась на другой стороне пропасти. Я чуть поднатужился, вызывая в памяти ощущение парящего блаженства, испытываемого мной при мечтаниях о возвышенной, чистой и верной любви. Что-то смачно чмокнуло, и меня отпустило. Резиновая пропасть осталась с дамой, обвисшая у ее ног, словно челюсть щелкунчика.

А разочарование осталось со мной. Осталось, как осознание невозможности воплощения светлого чувства. Как осознание потери того, чего никогда так и не находил. Оказывается, пропасть и разочарование – не одно и то же. Разочарование, как и светлое чувство, также принадлежит мне. Они два антипода, прочно связанных между собой. И ощущаются во мне, как нечто настоящее. И очень стоящее!

Даль, едва заметно колыхаясь, отступала по мере моего продвижения вперед. Через десяток шагов на правой стороне вырисовалась кафешка, выглядевшая словно зеркальное отражение предыдущей. И за столиком сидела... я даже оторопел немного. Дама! Светлое возвышенное чувство снова колыхнулось во мне и потянулось по направлению к ней, – как и всегда при встрече с новой женщиной. *«Как всегда»!* Я что-то еще о себе вспомнил?!

Пока я подходил к правому тротуару, дама смотрела прямо на меня. Она представляла собой весь бразильский карнавал в одном лице! Только не было двухметровых перьев. Все остальное было. Я не стал прикидываться, будто не понимаю этот взгляд, сразу подошел к ее столику и сел, не глядя незнакомке в лицо. Какая драма ждет меня здесь?

Собравшись с духом, я повернул голову и дерзко уставился на даму. Теперь я сумел ближе рассмотреть ее наряд.

Пышная высокая прическа, сконструированная из черных блестящих волос. Блестки на волосах. Лицо раскрашено всеми цветами косметической радуги. Напомаженные красной блестящей помадой сочные губы, длиннющие фиолетовые ресницы, зеленые веки, румяна на щеках. «Удивленные» насурьмленные бровки. В ушах крупные тяжелые серьги из золота. На шее несколько обручей из платины. На запястьях и щиколотках широкие браслеты из слоновой кости с разными висячими побрякушками на них. Одежда на даме была также вполне карнавальная. Расшитый бисером белый топик и белая короткая юбчонка больше открывали,

чем скрывали, ее пышные и одновременно изящные формы. Бордовый маникюр на всех двадцати пальцах.

Незнакомка выглядела бы жутко вульгарно, если бы не ее взгляд. Со взглядом она смотрелась жутко привлекательно. Привлекательно, хотя и вульгарно, – вот в чем вся подлость!

Взгляд ее был сама невинность. Девушка смотрела на меня, как бы сильно стесняясь. И даже немножко испуганно. Ее броский, вызывающе соблазнительный внешний вид и зрелые формы находился в диком контрасте с ее взглядом маленькой девочки, вышедшей из дому на прогулку в первый раз и потерявшей. Этот взгляд взывал: «Ты не можешь пройти мимо. Ты должен обо мне позаботиться. Возьми меня на ручки!»

Б-р-р! Дикое противоречие между невинным взглядом и вульгарной внешностью девушки! Я вдруг ощутил, что во мне поднимается какая-то нездоровая муть. Какое-то темное чувство. Низменное. Алчущее. Ненасытимое. Предвкушающее гадкое, запретное удовольствие. Из бездны меня поднималось, нарастая, ревущее сладострастие. Откуда это во мне?!!!

Я вдруг понял, что девушка передо мной была воплощенным символом именно сладострастия. Невинность и вульгарность. Ведь сладострастие и живет за счет осознания нечистоты, вульгарности того, что ты делаешь. А нечистота ощущается лишь на фоне чистоты, невинности. Удовольствие сладострастия это удовольствие короткого замыкания, – рвущей судороги в совести. Взрывная интенсивность разряда за счет громадной разницы потенциалов: невинности и вульгарности. Чистоты и развращенности. Святости и греха.

Ах да! Чистота! Святость! Во мне же есть чувство возвышенной, чистой, святой любви! На нем и паразитирует похоть!

Я стал поспешно вызывать в себе это высокое чувство, пытаясь погасить растущую во мне похоть. На какое-то время мне это удалось. Сладострастие, правда, никуда не исчезло. Сдерживаемое светлым чувством, оно потеряло свою интенсивность, но нагло пристроилось рядом, все время пытаясь обратить мое внимание на себя. В невинном взгляде девушки появилась чуть заметная ирония. Похоже, она понимала, с чем мне приходится бороться.

– Ита-ак, – натянув на лицо бравое выражение, протянул я. Почему бы не начать диалог первым? Диалог все равно ведь неизбежен, не так ли?

Из дверей кафе доносились вальняжные ритмы игривой босановы. Жаркое солнце ошутимо пригревало. Хотелось расслабиться и плюнуть на все! И на светлое чувство тоже.

– А почему ты борешься с собой? – детским голоском пролепетала девушка, потягивая коктейль через соломинку. – Разве мы с тобой встретились не для того, чтобы забыть о всякой борьбе? Чтобы просто жить? Жить, и наслаждаться жизнью?

Так. С ней мы, значит, тоже встречались. И, похоже, мы не были просто друзьями, хотя мне яростно не хотелось предполагать такое. Сладострастие же настойчиво предлагало поверить в это. Я настойчиво пытался не верить ему.

– Возвышенная и чистая любовь существует! – брякнул я неожиданно для самого себя. Зачем?!

Девушка прыснула. Коктейль булькнул.

– Ты сам-то понял, что сказал?

Нет. Не понял. Но мне почему-то показалось очень важным продолжать развивать эту мысль.

– Я всегда верил в нее! Всегда искал ее! – И воскликнул, стукнув ладонью по столу. – Настоящая любовь существует!

Произнося эти слова, я чувствовал их фальшь. А хлопок по столу? Просто театр, да и только! Светлое чувство, куда ты подевалось?

– Выходит, наша любовь, – прищурилась девушка, закидывая ногу на ногу, – не настоящая? Так?

Сладострастие стало заполнять меня нездоровым возбуждением. Сладкое предвкушение запретного пыталось затуманить восприятие. Я боролся с похотью изо всех сил, я отчаянно взывал ко всему светлому и возвышенному, что во мне оставалось, словно это было сражение за мою жизнь.

– Была ли она настоящая?! – воскликнул я, стараясь говорить о наших отношениях в прошедшем времени. – Не знаю!

Я ничего про нас не помнил, но было видно, что девица говорит правду.

– Да! Не знаю! Главное, была ли она чуткой и бережной?! Была ли она трепетной и нежной?! Была ли она такой, что ты готов жизнь отдать за того, кого любишь?!?!

Я задышался, отчаянно пытаюсь разжечь в себе светлое начало.

– Отдать жизнь за того, кого любишь и ощутить при этом высочайшее блаж...

Бздынь-бздынь-бздынь!

– Алле, – небрежным жестом приложила телефон к уху девица. Бордовые ногти забарабанили по столу. Словно я и не рвал свою душу перед ней только что! Почему у телефона есть право вмешаться в разговор, как раз тогда, когда ты вышел на самую серьезную ноту?! Подойди на улице человек к людям, ведущим диалог, и попробуй вмешаться, ему указали бы на нетактичность. А телефону все можно! Похоже, у телефонного звонка такая же магия, как и у денег.

– Да пошел ты, – сказала моя дама в трубку, схлопнула мобильник и воззрилась на меня. – Ты что-то там про блаженство бормотал.

Я уже казался смешным самому себе со своим пафосом. Но решил досказать свое последнее слово.

– Жить другим человеком! – голос мой охрип, и мне хотелось прокашляться. – И хотеть... кха-кха... быть с ним... кха... всегда.

– Ну-у, вот этого-то было навалом! – развязно подхватила девица. – Уж быть-то всегда друг с другом нам всегда хотелось!

Я смотрел на нее, ощущая какое-то бессилие. Бессилие и пустоту. Наткнувшись на них, сладострастие стало остывать, шипя.

– Ты что мне хочешь здесь доказать? – вдруг не детским голосом заговорила дама. – Что ты тут один такой понимающий? Знаток чистоты? А я, значит, дура вульгарная? Ты забыл, как мы с тобой эту возвышенную чушь вместе прожевали и выплюнули? Как плакали друг у друга на груди и сопли размазывали?! Рыдали о несбывшихся мечтах?! О крушении идеалов?!

Вот те на! Так мы единомышленники, оказывается. «Просто встретились два одиночества...» Откуда этот мотив?

– Это ты своей дуре-жене объяснить за долгие годы не смог, о чем мечтал! – девица закурила. – А мы с тобой друг друга сразу поняли! Я такой же идеалисткой была по жизни!

По внешнему виду не догадался, извини. И что же было дальше? После крушения идеалов? Облокотившись на стол, я выдал упрямо:

– Нельзя терять идеалы, даже если они не сбылись.

– Неужели? И потому ты, такой хранитель идеалов, изменил жене?

Хряк! Что-то внутри меня перекошилось и сломалось. Черное пятно измены четко всплыло в памяти. «За три года нашей разлуки я многое поняла!» Я оглянулся. Моя бывшая жена все также сидела за столиком метрах в десяти от меня. Ее спина была напряжена, словно она подслушивала наш разговор. Все так близко, все так рядом в этой жизни, оказывается!

– Да! – обернулся я к девице. – Изменил! Мне надоело любить впустую, невпопад! Мне хотелось быть любимым! Ну ведь хочется же!... Чтобы, хотя бы раз в жизни!... Хоть КТО-НИБУДЬ! ПОЛЮБИЛ! ИМЕННО! ТЕБЯ!

Я заметил, что ору. И, спустившись на шепот, добавил:

– Полюбил ни за что... Просто так...

С мыслью «мне лишь хотелось быть любимым!» я снова оглянулся на жену. Она сидела на стуле вполоборота и смотрела на меня. У нее был растерянный взгляд человека, запутавшегося в жизни и не понимающего, зачем он живет. Разбитая кофейная чашка осколками лежала возле ножки стола.

– Возможно! – вернул меня назад голос девицы. – Поначалу так оно и было. Желание, чтобы тебя кто-то любил. Просто так. И мы тешились первое время этой иллюзией. Я нежилась в мысли о том, что любима тобой, ты отдыхал в мысли о том, что любим мной. Мы оба были любимы просто так: такими, какими были, без всяких претензий. Но потом оказалось, что способности постоянно любить один другого нет ни у меня, ни у тебя. Ведь для того, что каждый из двоих был всегда любим просто так, необходимо, чтобы каждый ВСЕГДА ЛЮБИЛ просто так!

В моей памяти стало что-то всплывать.

– Для того, чтобы по-настоящему любить друг друга, – на ощупь попробовал угадать продолжение мысли я, – нужно быть полностью независимыми друг от друга!

– Да, мы пришли к такому заключению. Нужно иметь в себе вечный источник любви, независимый ни от чего на этом свете. Тем более, друг от друга. Но в нас...

– ...нет такого источника! Мы можем давать друг другу, лишь *забирая* что-то взамен! Иначе, – батарейка кончится!

– На этом и сдохла идея о возвышенной самоотверженной любви. Нет в нас силы к постоянному самоотречению, которого требует такая любовь. Есть дурацкая фантазия о такой любви, которая морочит головы людям. Но она скопытилась! И туда ей и дорога, блин!

Дама с треском затушила сигарету о дно пепельницы.

– И мы... – боялся догадываться я.

– И мы поняли, что единственный доступный людям вид любви, если отбросить всякую сентиментальную трепуху, это наглая эксплуатация друг друга. И мы пустились во все тяжкие! Мы стали откровенными любовниками и попрали все нормы морали!

Девица цинично и скабрёзно рассмеялась.

– Чего мы с тобой только не испробовали, любимый! И нам было хорошо вместе. Помнишь?

Я вдруг все вспомнил. Ясно, как день. Вернее, как ночь! Вспомнил, как жил на каком-то болезненном надрыве души. Такой надрыв необходим, чтобы ощутить, – ты живешь! Вспомнил какой-то дикий карнавал впечатлений, яркое, красочное и мрачное безумие. Бурная жизнь страстей изматывает и не удовлетворяет. Нужно было все время себя заводить, накачивать, заставлять, опьянять, искать новой пищи для эмоций. Обманывать себя, и – убежать от пустоты, которая настагает и ревет в затылок: «Все бессмысленно! Все обман! Ты – МОЙ!»

Я вынырнул из воспоминаний. Девица тревожно смотрела на меня.

– Ты останешься... со мной? – осторожно спросила она, словно почуяв что-то недоброе. Бокал с коктейлем в ее руке мелко дрожал.

Я смотрел на нее и ощущал свою раздвоенность. Вернее, даже рас-троенность. Слева во мне присоседилось сладострастие. Справа – тошнота, чувство глубокого отвращения. А между ними находилась пустота. Пустота – вот что нас объединяло с моей соседкой по столу. Мою бывшую жену связывала со мной пропасть. А эту девицу и меня связывала пустота. Или я опять фантазирую, желая чтобы нас хоть что-то связывало? Чтобы меня хоть что-то хоть с чем-то или с кем-то хоть когда-то связывало по-настоящему?!?!

Я начал вставать одновременно со стуком костяшек на счетах. Опять этот ненормальный бухгалтер! Что он тут носитя?!

Девица с упреком смотрела на меня, даже не пытаясь жеманиться. Ой, только не надо так смотреть, мадам! Я не останусь. Сладострастие, смачно чмокнув, оторвалось от меня и всосалось в мою визави. Вальжная босанова прервалась на полустоне саксофона. Ага! Выходит,

не пустота, а сладострастие нас объединяло! А сосущая безнадежная пустота вместе с чувством глубокого тошнотворного отвращения, (в память о сладострастии) останется со мной?! Что ж, за все нужно платить!

– Прощайте, мадам. Мы выпили друг друга до дна. Еще один день вместе – это самоубийство. А я почему-то хочу жить, хотя мне абсолютно непонятно – зачем?! Но, наверно, это понятно тому, кто меня поместил в этот сценарий.

Девушка уже не обращала на меня внимания. Она положила длинные ноги на стул, где я только что сидел, и прихлебывала коктейль, выбросив соломинку. Я все-таки сделал прощальный кивок головой и двинулся налево через булыжную мостовую. Похоже, к новой встрече.

Ну и где же еще одно кафе? Десять шагов я уже прошел! Мутно-синяя даль все отступала и отступала. Наконец, слева послышались какие-то звуки. Вроде бы, крики. Шум толпы. Бравурная музыка. Похоже, меня ждет не кофейный уют, а какая-то демонстрация.

Из утекающей синевы дали выявились какие-то фигуры. Люди с флагами и транспарантами. Толпа человек в тридцать. Стоит на улице, на тротуаре перед пешеходным переходом. Машет лозунгами и что-то скандирует. «Свободу! Свободу! Долой тиранию!»

Похоже, середина осени. Пронзительно красивая листва на деревьях. Яркая – желтая, красная, оранжевая. И солнце светит всюду, хотя и не жарко. Прохладно, но не холодно. Бодро! И весело. Даже – празднично! И воздух какой-то особенный. Какой-то...

– Эй, ну ты где ходишь?!

На меня смотрят, повернувшись, три демонстранта. Снова эти взгляды, словно мы давно знакомы. Парням лет по тридцать. Значит, и мне примерно столько же в этом новом кадре.

– Ничего себе прикид! – восхищаются ребята, здороваясь со мной. – Ты словно с выставки мод сбежал.

– Пришлось сбежать, – нахожу уместным пошутить я. – Устал от гламура. А что тут у нас?

– Как что? Ну ты даешь! Вот же, сбываются наши мечты!

Мечты?! Я мечтал о демонстрациях протеста? Занялся революциями?!

– Мы, наконец, вышли, чтобы высказать свое мнение публично! Понимаешь? Столько говорили об этом, столько шушукались по углам, и вот – вышли! Вышли!!!

Парни трясли меня, как грушу, радостно щерились и хохотали в чистейшее голубое небо.

– Вышли! Понимаешь! Свобода! Мы – свободны!!!

Глаза ребят, – да и остальных присутствующих, – были какими-то безумными. На лицах всех был шальной восторг. Словно все были изрядно подшофе.

И вдруг я понял, чем пах воздух. Он пах свободой! Дышалось удивительно легко. Какое-то залихватское раздолье было в каждом вздохе. Воздух был каким-то хрустально-колким, искристым, пьянящим, поющим. Я почувствовал, что мои глаза тоже загораются. СВОБОДА! Какое замечательное ощущение! Беспредельность! Всемогущество! Полет!!! Всем своим нутром я в этот миг понял, насколько нуждаюсь в свободе! Конечно! Как же жить без нее???! СВОБОДА!!!

– Свобода и честь наш лозунг! – провозгласили мои новые-старые друзья, потрясая в воздухе сжатыми кулаками. – Свобода и справедливость!

Да! ДА! Свобода и справедливость! Ей-богу! Ради этого стоит жить! А что делает возле демонстрантов огромный мусорный контейнер, доверху заваленный какими-то отходами? Он как-то неуместно тут стоит.

Толпа стала скандировать: «Свобода! Свобода! Долой тиранию!» Я подключился к общим крикам. Какое замечательное чувство единства! Все – вместе! Все – за правду! Все – свободны! Какая мощь в правде, подхваченной множеством свободомыслящих людей!!!

Я кричал в упоении: «Свободу! Свободу! Свободу пешеходу!» «Свободу! Свободу! Свободу пешеходу!»

Пешеходу???! Какому пешеходу?

– Какому пешеходу? – сорвалось у меня с губ.

Человек десять оглянулись на меня с недоумевающими лицами.

– Как какому?! – изумились мои друзья. – Мы собрались здесь сегодня для того, чтобы демонстративно не переходить на красный свет!

– Пора положить конец этому беспределу городских властей, – вмешался какой-то дядька с бурным цветом лица. – Сколько можно заставлять нас ходить на красный светофор?

– Это форменное безобразие! – поддержала его дама, похожая на старуху Шапокляк. – Годы! Целые годы издевательства над народом!

– Возмутительно, не так ли? – обратился солидный мужчина в пенсне к прыщавому пареньку лет восемнадцати, меланхолично ковырявшемуся в носу. – Рад лицезреть молодежь, так сказать, на баррикадах!

Палец замер в ноздре. Парень на секунду задумался и ответил, не вынимая пальца из носа.

– Да я, вообще-то, просто так тут стою. Пацаны скоро должны подойти. Собрались сегодня против зеленых светофоров протестовать.

Вся толпа резко обернулась на парня. С вершины мусорной кучи съехал большой целлофановый пакет и дрябло шмякнулся ему под ноги. Повисло гнетущее молчание. Парень понял, что брякнул что-то не то, и вытянул палец из ноздри.

– Ах ты контра! – воскликнула Шапокляк. – Подслушивать-подглядывать затесался?!

Парень попятился, но уткнулся спиной в моих друзей.

– Как не стыдно, молодой человек! – возмутилось пенсне. – Думать о посторонних вещах, когда идет битва за свободу и честь нации!

– Да! – рьяно крикнул боролицый. – Это чистое предательство! В асфальт таких недоумков надо закатывать! Всех, кто против свободы, – в асфальт!

Шапокляк вдруг размахнулась и стукнула парня транспарантом по голове. Завязалась потасовка. Несколько человек навалились на парня, молотя его, чем попало, в то время как остальная толпа скандировала «Свобода! Долой тиранию!» Мои друзья были в числе нападавших.

Мне показалось, что я снова попал в какой-то дурной сон. Снова очнулся в кошмаре. В каком-то фарсе с кукольными персонажами. Будто я опять смотрю на безостановочно вращающуюся педаль велосипеда.

«Щелк-щелк» раздалось за спиной. И быстрый бег шагов. Счетовод! Похоже, нужно обернуться.

Словно сомнамбула, я повернулся спиной к орущей толпе. На противоположной стороне булыжной мостовой стоял магазин измерительных приборов. На его витрине были нарисованы огромные весы. Над весами – полукругом надпись «ВЗВЕШЕН И НАЙДЕН ЛЕГКИМ». Меня потянуло к этой надписи, словно в ней открывался смысл жизни. Переходя улицу, я слышал за спиной сирены полицейских машин.

А вот и стол! Возле витрины стояло несколько столов с табуретками вокруг них. Явно, это было не кафе, а что-то еще. Я пока не понял что, но предчувствия у меня были неприятные. И столиками эти столы явно не желали называться. Они были квадратными и массивными. За одним из столов сидел мужчина и что-то писал. Он тоже был квадратным. И массивным. Но сидел он не на табуретке, а на стуле со спинкой.

Я подошел к мужчине. Он глянул на меня исподлобья и кивком головы указал на табуретку. С ним, получается, мы тоже знакомы. Я присел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.